

«ДЕЛО ЧЕЛЯБИНСКОГО КОМСОМОЛА» 1949 г.: О РАБОТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ ВЛКСМ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

На примере деятельности Челябинского обкома ВЛКСМ рассмотрены основные проблемы, с которыми региональные комитеты комсомола столкнулись в послевоенный период. Показано, что из-за дефицита материальных и кадровых ресурсов и ослабления контроля со стороны центра комсомольские органы плохо справлялись со своей работой. Особое внимание уделено позиции партийного руководства региона, которое скрывало от высших органов реальное положение в комсомоле. Сделан вывод о том, что серьезные подвижки в работе комсомольских органов начались только в 1949 г., когда центр усилил контроль над регионами и провел кадровые чистки. «Дело челябинского комсомола» оказалось первым и наиболее резонансным эпизодом в череде этих чисток.

Ключевые слова: комсомол; кадровые чистки; партийные органы; послевоенный период; Челябинская область; ЦК ВЛКСМ.

Исследования по истории ВЛКСМ занимают в современной российской историографии далеко не последнее место: ежегодно появляются новые научные статьи, диссертации и монографии, так или иначе касающиеся комсомола. Обычно эти работы посвящены таким традиционным сюжетам, как история региональных организаций ВЛКСМ, участие молодежи в развитии народного хозяйства и деятельность комсомола в годы Великой Отечественной войны [1–4]. Но все больше историков привлекают и новые сюжеты, например, политическая культура комсомольцев и протестные настроения советской молодежи [5–7]. А вот структура и кадры комсомольских комитетов, их повседневная деятельность и взаимодействие с партийными и государственными органами редко становятся предметом научных изысканий [8, 9]. И этот пробел особенно заметен в исследованиях послевоенного времени, которое оказалось для комсомола не менее трудным, чем военное.

Цель статьи – обозначить основные проблемы, с которыми региональные комитеты ВЛКСМ столкнулись в своей работе в начале послевоенного периода. Сделать это можно на примере Челябинского обкома ВЛКСМ, вокруг которого в 1949 г. разгорелся скандал, наглядно показавший состояние послевоенного комсомола и повлекший за собой не только серьезные кадровые перестановки в регионе, но и ощутимые перемены в работе центра. Вслед за современниками данный случай можно назвать «делом челябинского комсомола», что вполне соответствует современной историографической традиции [10. С. 198–318].

В послевоенные годы отношение высшего руководства СССР к ВЛКСМ было таким же, как и прежде: союзной молодежи отводилась роль помощника партии в хозяйственной и общественно-политической жизни страны. Однако по сравнению с военным временем от комсомола стали настойчивее требовать улучшения организационной и идейно-политической работы. Под первой подразумевали увеличение численности комсомольцев, отчетность и выборность комсомольских органов, а под второй – политическое просвещение молодежи и ее вовлечение в идеологические и хозяйственные кампании [11. Л. 76–112]. Воплощать все эти установки партии должны были местные комсомольские органы, однако в своей работе они столкнулись со значительными трудностями.

Прежде всего комсомолу не хватало материальных ресурсов. В послевоенное время бюджеты региональных комитетов комсомола постепенно росли. Например, расходы Челябинского обкома ВЛКСМ, утвержденные центром, за два послевоенных года увеличились в 1,5 раза. Однако комсомольский бюджет наполнялся в основном за счет членских взносов, которые поступали отнюдь не в полном объеме и очень неравномерно: в 1946 г. собрали 80,1% запланированной суммы, в 1947 г. – 90,2%, в 1948 г. – 85,8%, причем в конце года взносов поступало обычно в 2–3 раза больше, чем в начале [12. Л. 22; 13. Л. 98]. Приходилось задерживать зарплату, экономить на канцелярии, командировках и даже важных организационных мероприятиях. А на литературу для сети политпросвещения и транспорт, особенно необходимый для сельских районов, средств почти не выделяли. Комсомольские комитеты, в том числе и региональные, не имели какого-либо веса в системе власти, поэтому для решения многочисленных материальных вопросов им приходилось обращаться не иначе как в ЦК ВЛКСМ и партийные органы или же просить о помощи хозяйственных руководителей.

Невелики были и организационные возможности комсомольских органов. Так, на Челябинскую областную организацию, насчитывавшую примерно 100 тыс. комсомольцев, приходилось всего 515 ответственных работников: 34 в обкоме, 296 в горкомах и райкомах, 185 комсогов и секретарей комитетов. При этом только Челябинский, Магнитогорский и Миасский горкомы ВЛКСМ насчитывали по 13 работников, а все остальные городские и районные комитеты – по 4–5 [14. Л. 13–15]. И этого, по признанию самих работников, хватало лишь на то, чтобы составлять отчеты, эпизодически вести учет комсомольцев и кое-как собирать членские взносы. А вот организовать политическую учебу и социалистическое соревнование или хотя бы интересный досуг для молодежи – на это сил у райкомов и многих горкомов уже не хватало. Впрочем, проблема усугублялась еще и тем, что даже столь мизерные штаты комсомольских органов не всегда были укомплектованы.

Скромные зарплаты¹, отсутствие доплат, служебного жилья и каких-либо привилегий в снабжении мало кого привлекали на комсомольскую работу. В годы войны проблему решали за счет эвакуирован-

ных кадров и мобилизации коммунистов. Но масштабная реэвакуация 1944–1946 гг. вновь обострила кадровый дефицит. Новых работников пытались подбирать из демобилизованных фронтовиков, студентов и молодых рабочих, но это удавалось не всегда и брать приходилось всех, кто давал согласие [9. С. 48–61; 15. Л. 14–15, 23–23 об.]. В результате подобного «подбора» качество комсомольских кадров ухудшилось даже по сравнению с военным временем. Прежде всего ухудшился их образовательный уровень. Так, в Челябинской области в 1945–1948 гг. доля первых секретарей комитетов комсомола с высшим и незаконченным высшим образованием уменьшилась с 22,8 до 13,8%, а с низшим и неполным средним образованием увеличилась с 26,3 до 29,3%. Такая ситуация наблюдалась и в других регионах [9. С. 73–74]. А вот другой важный показатель – время пребывания в должности – остался почти неизменным: 59–65% секретарей занимали свой пост менее года [16. Л. 73; 17. Л. 12]. Но это означает, что новоиспеченные секретари либо вообще не умели руководить, либо только начали осваивать искусство управления.

Слабую подготовку комсомольских кадров пытались компенсировать их обучением и контролем над ними. Что касается обучения, то еще в октябре 1944 г. открылась Центральная комсомольская школа, в июне 1945 г. – курсы секретарей обкомов и горкомов ВЛКСМ, а с августа 1946 г. комсомольские отделения и курсы переподготовки появились во всех региональных партийных школах [18. С. 5–9; 19. Л. 1–5]. Но положительный результат эти меры дали только спустя несколько лет. В той же Челябинской области тенденция к увеличению доли секретарей горкомов и райкомов ВЛКСМ с высшим профессиональным и политическим образованием обозначилась только к концу 1950 г. Поэтому главным способом улучшения работы местных органов стал контроль центра.

В послевоенные годы, как и прежде, основной формой контроля ЦК ВЛКСМ были различные проверки. Плановые намечались заранее и касались всей работы регионального комитета, текущие обычно сводились к проверке исполнения ранее принятых решений, а срочные проводились тогда, когда до центра доходили «сигналы» о каких-либо «недостатках» на местах. Вместе с этим ежегодно проводились ревизии финансово-хозяйственной деятельности местных органов. А чтобы проверки были регулярными, в августе 1946 г. в ЦК ВЛКСМ учредили должности контролеров, за каждым из которых закреплялись комсомольские организации какой-либо союзной республики или региона [20. Л. 2–3].

Казалось бы, при такой системе контроля местному руководству трудно было скрывать от центра свои промахи. Особенно это касалось Челябинского обкома ВЛКСМ. Ведь в июле 1944 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «О крупных недостатках и ошибках в работе Челябинского обкома ВЛКСМ по воспитанию комсомольских кадров» и летом 1945 г. проверил его выполнение. А в 1946 г. ЦК ВЛКСМ еще дважды и весьма обстоятельно обсуждал работу обкома [21. Л. 4–5; 22. Л. 13–15; 23. Л. 8–10]. Однако в 1947–1948 гг. ситуация изменилась: ЦК ВЛКСМ стал реже

заслушивать отчеты региональных комитетов и плотно занимался подготовкой 30-летнего юбилея и XI съезда комсомола (предыдущий был в 1936 г.). Именно поэтому в Челябинск наведывались только финансовые ревизоры и работники ЦК, проверявшие лишь исполнение решений.

Неприятности обходили стороной Челябинский обком комсомола еще и потому, что его руководитель был на хорошем счету у центра. Александр Яковлевич Борисов работал в обкоме с июля 1943 г., сначала секретарем по кадрам, затем вторым, а с августа 1946 г. первым секретарем, крупных ошибок не допускал и считался весьма опытным работником. К тому же в аппарате ЦК ВЛКСМ в то время работали его коллеги по обкому: С.И. Колесников (первый секретарь в 1944–1946 гг.), Е.М. Соколова (секретарь по пропаганде в 1944–1946 гг.), С.И. Сурниченко (секретарь по кадрам в 1946 г. и второй секретарь в 1946–1947 гг.). И наверняка они помогали своему соратнику, оставшемуся в Челябинске. Кроме того, в октябре 1948 г. А.Я. Борисова одного из немногих наградили орденом Ленина «за активную работу... в деле коммунистического воспитания молодежи». Поэтому неудивительно, что когда в августе 1948 г. в ЦК ВЛКСМ узнали о проблемах в областной организации (сократился прием в комсомол, запущен учет комсомольцев, возросла задолженность по членским взносам), то жестких мер не последовало. Ведь отмеченный доверием А.Я. Борисов легко убедил первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлова в том, что быстро исправит критическое положение [24. Л. 146–149; 25. Л. 3, 10, 18].

Наряду с ЦК ВЛКСМ работу региональных комитетов комсомола должны были направлять и партийные органы, но они из-за перегруженности хозяйственными и прочими делами практически не занимались этим. На заседаниях бюро Челябинского обкома партии вопросы комсомола рассматривались редко, и, как правило, они касались утверждения кадров или проведения пленумов. Порой разбирали и важные проблемы, но происходило это либо с подачи ЦК ВЛКСМ, либо в связи с чрезвычайными происшествиями. Так, в июле 1946 г. обком партии решил усилить политико-воспитательную работу с молодежью лишь после того, как органы МГБ арестовали участников тайного студенческого литературного общества «Снежное вино». А вопрос о растущей задолженности по комсомольским взносам обком партии обсудил в ноябре 1947 г. после личной просьбы Н.А. Михайлова [26. Л. 50–53; 27. Л. 76–81]. Впрочем, один раз партийное руководство области само проявило инициативу. В июне 1948 г. впервые за четыре года вопрос о работе комсомольской областной организации обсудили на пленуме обкома партии. Хотя, как показала последующая проверка, многие партийные органы попросту проигнорировали указания этого пленума [28. Л. 79–83].

Вообще партийное руководство, аккуратно исполняя ритуалы, связанные с комсомолом, практически не вникало в его проблемы. Здесь показателен пример первого секретаря Челябинского обкома ВЛКСМ(б) А.А. Белобородова, который посещал все конферен-

ции и многие пленумы обкома комсомола и никогда не упускал возможности рассказать о роли комсомольцев в послевоенной пятилетке. Но за четыре года секретарства он лишь один раз, в сентябре 1947 г., и то по просьбе А.Я. Борисова, собрал секретарей горкомов и райкомов ВЛКСМ. Они рассказали о всех своих бедах, но ни внятного совета, ни реальной помощи от руководителя области так и не добились [29. Л. 28–56]. Ведь хлопоты о комсомоле А.А. Белобородов с самого начала переложил на А.Я. Борисова, которого хорошо знал еще с военной поры и которому полностью доверял, а в молодежные дела вмешивался только в самом крайнем случае.

В такой ситуации, когда комсомольцам приходилось рассчитывать в основном на собственные скромные силы, многое зависело от обкома комсомола. В 1944–1946 гг. в Челябинске работала вполне слаженная и опытная команда секретарей, в которую вошли С.И. Колесников, В.Г. Зайцев, А.Я. Борисов, Е.М. Соколова, А.Д. Зверев и М.Ф. Мещерский. Но вскоре руководство обкома радикально обновилось. Дело в том, что после завершения войны активизировался процесс перевода перспективных кадров на работу в центральный аппарат. Эта тенденция не обошла стороной и Челябинск. Уже летом 1946 г. в ЦК ВЛКСМ «забрали» Колесникова и Соколову, а Зверева назначили заместителем директора в «Артек». Борисов тогда возглавил обком, Мещерский стал отвечать за кадровую работу, а новыми секретарями назначили С.И. Сурниченко (первый секретарь Златоустовского горкома), О.П. Олиференко (руководитель лекторской группы обкома) и М.Е. Колесников (первый секретарь Пластовского горкома). Но сработаться и проявиться на новых должностях им помешала внутрикомсомольская демократия.

Внутрикомсомольская демократия включала в себя «свободное и деловое обсуждение вопросов работы комсомольских организаций» и выборы комитетов, предполагающие свободное выдвижение кандидатов и тайное голосование по ним. В годы войны конференции комсомольских организаций не проводились, поэтому местное руководство назначалось вышестоящим органом. После, в мирное время, принципы демократии вернулись в комсомольскую жизнь – запретили кооптирование и восстановили выборы. Но это обернулось серьезной проблемой, так как первое время комсомольцы смело пользовались своим правом, а местное руководство не было готово к такому повороту. Отличной иллюстрацией этого является V Челябинская областная комсомольская конференция, состоявшаяся в марте 1947 г. То была первая за семь лет конференция, и ее делегаты кипели энергией: оживленно обсудили представленный им доклад и высказали множество претензий руководству. И последовавшие за такими прениями выборы обернулись катастрофой: М.Е. Колесников получил 58% голосов «против», М.Ф. Мещерский – 25, О.П. Олиференко – 12,8, С.И. Сурниченко – 10,7%. И только А.Я. Борисов получил несущественные 4% [12. Л. 102–103]. Игнорировать эти результаты было невозможно, поэтому первых двух «рекордсменов» пришлось срочно заменить возвращенным из Крыма А.Д. Зверевым и

секретарем Златоустовского горкома М.Г. Воропаевым. Позже под предлогом превышения комсомольского возраста² на партийную работу перевели О.П. Олиференко (30 лет) и А.Д. Зверева (34 год), а С.И. Сурниченко «забрали» в ЦК ВЛКСМ. В результате всех этих перестановок вторым секретарем Челябинского обкома ВЛКСМ стал 28-летний М.Г. Воропаев, а секретарями по кадрам, пропаганде и школам весьма молодые (24–25 лет), но малоопытные Н.Д. Спорыхин, В.Г. Синецын и В.П. Матвеева.

Новая команда проработала полтора года, до середины лета 1949 г., но тоже не стала сплоченной. Главная причина на этот раз заключалась в первом секретаре. Ведь А.Я. Борисов, который был и старше (33 года), и опытнее коллег, относился к ним пренебрежительно. Он не прислушивался к их мнению, не информировал о постановлениях вышестоящих органов, решения принимал единолично и открыто продвигал своих приятелей [30. Л. 51–53]. К тому же работа на одном месте наскучила ему, не видя карьерных перспектив, он все больше устранился от дел, увлекался застольями и охотой, одалживал крупные суммы в обкомовской кассе. Интересно, что такое поведение было распространено среди руководящих работников, а для его обозначения существовал особый термин – «перестаивание» [31. Л. 6–7]. В целях профилактики этой «болезни» ЦК ВЛКСМ в 1945–1946 гг. периодически передвигал секретарей региональных комитетов на другую работу, но вскоре прекратил подобную ротацию, чтобы не усугублять и без того высокую текучесть кадров. В результате к 1948 г. Борисов изрядно «перестоялся» и это сказалось на работе обкома: без указаний первого секретаря аппарат фактически бездействовал, занимаясь лишь срочными вопросами и авралами. Многих такая ситуация не устраивала, но открыто критиковать начальство они не решались и либо уходили на другую работу, либо распускали сплетни. И только осенью 1948 г. их недовольство вылилось наружу, а поводом послужили следующие события.

В августе 1948 г. прошла ревизия финансовой дисциплины в обкоме комсомола. Многие ожидали, что она выявит все «непорядки» и в первую очередь слишком вольное обращение А.Я. Борисова с комсомольскими деньгами. Но заведующая финхозсектором обкома комсомола А.П. Пожарская постаралась, чтобы инструктор-ревизор ЦК ВЛКСМ С.С. Балашкин не обратил внимания на явные недостатки в обкомовском хозяйстве. Но при этом он так придирался к мелким нарушениям в Челябинском горкоме ВЛКСМ, что первый секретарь этого горкома В.Г. Зайцев уже через неделю лишился своей должности [32. Л. 9–24]. Еще больше обкомовских работников возмутил слух о том, что А.Я. Борисов дал им в ЦК ВЛКСМ нелицеприятные характеристики и якобы поэтому к 30-летию комсомола все они остались без наград [30. Л. 50, 54–55]. А 29 октября после торжественного заседания в честь юбилея ВЛКСМ состоялся шикарный банкет, на котором Борисов, по мнению некоторых коллег, вел себя весьма предосудительно.

В ноябре 1948 г. в Челябинский обком ВКП(б) поступили «сигналы» о том, что Борисов не сработался с другими секретарями, ведет себя по-барски и допус-

кает неоправданные расходы. Заодно кое-кто пожаловался инструктору отдела кадров обкома ВКП(б) В.П. Казаковой, которая еще недавно работала в обкоме комсомола и знала тамошнюю ситуацию. Отзывчивая коллега доложила обо всем услышанном первому секретарю обкома ВКП(б) А.А. Белобородову, а тот проявил необычную для него оперативность и сразу же назначил проверку [30. Л. 50–61, 69]. В ходе этой срочной проверки заведующий оргинструкторским отделом обкома ВКП(б) А.П. Рождественский опросил свидетелей и выяснил немало подробностей. А главный бухгалтер обкома ВКП(б) К.И. Голышев проверил хозяйство обкома комсомола и обнаружил перерасход в 91,5 тыс. руб., рост задолженности его работников (1 июля 1948 г. она составляла 6,9 тыс. руб., а 22 ноября – 32,2 тыс. руб., из которых 12 138 руб. числилось за А.Я. Борисовым) и даже незаконные вклады, сделанные во время денежной реформы [33. Л. 13–20].

После проверки стало ясно, что ситуация в Челябинском обкоме ВЛКСМ может обернуться большой неприятностью. Ведь в июле–декабре 1948 г. из-за «недостойного поведения» и «нарушений финансовой дисциплины» своих должностей лишились первые секретари Брянского, Мордовского, Тульского, Омского, Гродненского и Гомельского обкомов комсомола. Случайно или нет, но вслед за этим сменилось руководство Тульского, Омского и Мордовского обкомов партии [10. С. 390–392]. Челябинская область тогда переживала не лучшие времена (крупные заводы срывали план 1948 г., хлебозаготовки выполнены на 59,6%, не хватало продовольствия), и проблемы с комсомолом могли усугубить шаткое положение областного руководства. Видимо поэтому А.А. Белобородов решил замять нехотят разгоревшийся конфликт. По его указанию второй секретарь обкома партии Ф.Н. Дадонов 23 декабря провел совещание, на котором А.Я. Борисов признал часть предъявленных ему обвинений и смиренно выслушал все нотации. В свою очередь Н.Д. Спорыхин, В.Г. Синицын и М.Г. Воропаев согласились, что их претензии не совсем обоснованы и поблагодарили партийных работников за мудрые наставления [30. Л. 50–78]. А 29 декабря обком партии указал А.Я. Борисову на недостатки в финансовой работе и предложил в течение месяца устранить все недочеты, снять заведующего финхозсектором и провести ревизии в горкомах и райкомах комсомола [34. Л. 263–264].

Партийное руководство области добилось своего. В столице к инциденту в Челябинске отнеслись очень спокойно и полностью доверились местному руководству. Конфликт в самом обкоме комсомола пошел на убыль, а слух о том, что его секретарей «проработали» в обкоме партии, сбавил недовольство низовых комсомольских работников. Благодаря этому в январе 1949 г. удалось без эксцессов провести и VI областную комсомольскую конференцию. Ведь от ЦК ВЛКСМ на ней был лишь ответорганизатор К.И. Степанов, а не более статусные работники, как бывало в экстренных случаях. А делегаты хоть и критиковали руководство обкома, все же на тайных выборах выразили ему доверие и никого не «прокатили». Больше

всего голосов тогда «против» получили Н.Д. Спорыхин и В.П. Матвеева (14,3 и 12,9%), но эти цифры не были критичными, а против А.Я. Борисова проголосовало лишь 5% делегатов [35. Л. 5–89, 119–120]. И поскольку кандидатов выдвинули ровно столько, сколько имелось вакансий, то все секретари обкома комсомола за исключением М.Г. Воропаева, который возглавил Челябинский горком ВЛКСМ, остались на прежних должностях.

Казалось бы, после нешуточного конфликта и напряженной конференции комсомольское руководство должно было исправиться, но этого не случилось. Заседания бюро обкома по-прежнему проходили редко, готовились плохо, а решения принимались без обсуждения. Кадры, как и прежде, подбирались наспех и без надлежащей проверки, а многие секретари горкомов, за которыми водились разные «грехи», благодаря дружбе с А.Я. Борисовым остались на своих постах. К тому же аппарат фактически остался без руководства, так как первый секретарь часто ездил в Москву, Н.Д. Спорыхин ушел в длительный отпуск, В.П. Матвеева еще чувствовала себя новичком, а избранный в январе вторым секретарем В.П. Антропов вообще не имел опыта комсомольской работы. Но удивительнее всего то, что обком комсомола проигнорировал указания обкома партии: А.П. Пожарскую не только оставили заведующей финхозсектором, но и единодушно приняли в партию, а бюджетную дисциплину в горкомах и райкомах так и не удосужились проверить. И для того чтобы все это обернулось большой проблемой, достаточно было мелкой случайности.

В конце апреля 1949 г. видимо под влиянием только что прошедшего XI съезда обком комсомола стал проявлять некоторую активность. В частности, наконец-то обратили внимание на заявления комсомольцев и провели ревизию в Магнитогорском горкоме, Сталинском райкоме и комитете комсомола Магнитогорского металлургического комбината. На счетах этих организаций были обнаружены большие неучтенные суммы. В середине мая провели еще одну ревизию, в ходе которой выяснилось, что местные работники растратили и присвоили крупные суммы денег. Тогда же неприятный инцидент произошел и в Челябинске, где комсомольские вожаки, употребив спиртное, спровоцировали драку в парке отдыха. Борисов, который 23–28 мая был в Москве по вопросу развития спорта на Южном Урале, не стал информировать высшее руководство об этих случаях. И только 30 мая, когда виновных «по-тихому» сняли с работы, в ЦК ВЛКСМ узнали о происшедшем [36. Л. 183–187].

Скрытность и «самодеятельность» областного комитета сразу привлекли внимание центра. 31 мая в Челябинск отправился заместитель заведующего отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ О.Д. Гоциридзе. Он собрал все необходимые сведения и 15 июня представил докладную записку, в которой подробно рассказал о происшествиях в Челябинской области и негодной работе с кадрами (большая сменяемость, отсутствие резерва, подбор по «зарплате»). Заодно Гоциридзе сообщил, что Белобородов предложил перевести Борисова в обком партии, вместо

него поставить Мещерского или Зверева, а Спорыхина, не справившегося с кадровой работой, отправить на учебу [36. Л. 183–191]. Но помимо покровителей у Борисова имелись и недруги. Еще 13 июня в Особый сектор ЦК ВЛКСМ поступило письмо без подписи, в котором осведомленный аноним поведал о махинациях финхозсектора, стяжательстве и аморальном поведении Борисова. Заодно автор посоветовал обратиться за разъяснениями к хорошо информированным бывшим работникам обкома комсомола и выразил уверенность, что «Челябинское дело будет уроком для ЦК комсомола» [Там же. Л. 204–206]. Трудно сказать, как в ЦК ВЛКСМ отнеслись к этой анонимке, но 17 июня там решили тщательно разобраться в странном деле и вызвали Борисова, Спорыхина, Сеницына, Бабинову (заведующую отделом студенческой молодежи обкома) и Тараканова (заведующего военно-физкультурным отделом обкома) [37. Л. 10].

20 июня первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов побеседовал с челябинскими работниками. Судя по документам, разговор шел только о тех фактах, которые в своей записке сообщил О.Д. Гоциридзе. О злоупотреблениях и тем более аморальном поведении никто из приехавших даже не обмолвился. К тому же главные «виновники» полностью признали свои ошибки и пообещали вскоре исправить их [15. Л. 20 об., 39–40; 36. Л. 192–203]. После такой вполне обнадеживающей беседы челябинцы отправились домой, а Бюро ЦК ВЛКСМ 25 июня приняло постановление «О крупных недостатках в работе бюро Челябинского обкома ВЛКСМ по подбору и воспитанию комсомольских кадров». Это название говорит о том, что сначала Центральный комитет не усмотрел в «челябинском деле» ничего особенного и ограничился стандартными мерами: отметил плохую кадровую работу обкома, обязал его провести пленум по этому вопросу, объявил А.Я. Борисову выговор с предупреждением и освободил Н.Д. Спорыхина [38. Л. 6–8]. Впрочем, и здесь не обошлось без руководства Челябинского обкома ВКП(б), которое заверило Н.А. Михайлова, что А.Я. Борисов «может исправиться» [15. Л. 39 об.].

Несмотря на «мягкое» решение, надежды на благополучный исход в этот раз не оправдались. Дело в том, что 25 июня ЦК ВЛКСМ направил секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову докладную записку о челябинских событиях. 27 июня Г.М. Маленков ознакомился с ней и сразу предписал заместителю заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) А.Л. Дедову за три дня «разобраться в этом деле и подготовить предложения» [39. Л. 23–25]. Такое внимание к незначительному эпизоду объясняется тем, что тогда в ЦК ВКП(б) разбирали дело директора Челябинского Кировского завода И.М. Зальцмана и Г.М. Маленков пускал в ход любой материал, хоть как-то компрометирующий легендарного хозяйственника или его покровителей из Челябинского обкома партии [40. С. 58–60]. Через несколько дней И.М. Зальцмана сняли с работы, и удовлетворенный таким исходом Г.М. Маленков отложил вопрос о комсомоле. Однако в ЦК ВЛКСМ взяли на заметку этот неожиданный поворот, и к по-

следующим событиям отнеслись «принципиальнее», нежели прежде.

И все же главной причиной, по которой рядовой случай превратился в резонансное «дело», стало отсутствие сплоченности у секретарей Челябинского обкома ВЛКСМ. После прошлогоднего скандала они стали избегать конфликтов, перестали критиковать друг друга и тем более «выносить сор из избы». В ЦК ВЛКСМ они вели себя точно так же, и подобная тактика, казалось, спасла их от крупных неприятностей. Но когда Н.Д. Спорыхин узнал, что только его освободили от работы, личные интересы сразу возобладали над корпоративными и он «решил вывести на свежую воду главного виновника». 5 июля он написал заявление на имя второго секретаря обкома партии А.В. Лескова, в котором рассказал то, о чем смолчал в ЦК. О том, что А.Я. Борисов сам злоупотреблял и совсем не боролся со злоупотреблениями в комсомольских организациях области, «не всегда правильно реагировал на совершение аморальных поступков отдельными комсомольскими работниками» и «перестал в должной мере заниматься руководством» [41. Л. 119–124]. Лесков, которого неделю назад строго отчитали в ЦК ВКП(б) за поддержку Зальцмана, распорядился отложить намеченный на 6 июля пленум обкома комсомола и проверить заявление. И поскольку большинство компрометирующих фактов подтвердилось, 7 июля бюро Челябинского обкома ВКП(б) сняло Борисова с должности и объявило ему строгий выговор с занесением в учетную карточку [Там же. Л. 14–15].

9 июля наконец-то состоялся III пленум Челябинского обкома ВЛКСМ, на котором обсудили постановление ЦК ВЛКСМ и решили кадровые вопросы. Неординарность этого мероприятия состояла в том, что на нем помимо группы работников ЦК ВЛКСМ (О.Д. Гоциридзе, К.И. Степанов, П.И. Дианова) присутствовал инструктор отдела партийных, комсомольских и профсоюзных органов ЦК ВКП(б) Ф.И. Сержантов. Пленум начался с доклада Гоциридзе о плохой кадровой работе, инцидентах в Челябинске и Магнитогорске и о том, как бюро обкома скрывало реальное положение дел. За докладом последовали предсказуемые прения: Борисов и Спорыхин в очередной раз признали свои ошибки, а прочие ораторы привели примеры негодной работы обкома и его секретарей. Необычным было лишь то, что некоторые участники пленума признались, что вынесенный на обсуждение вопрос «является совершенно неожиданным», а кое-кто даже предложил оставить раскаявшегося Борисова на работе. Но одиночные голоса не могли переломить общий настрой, поэтому А.Я. Борисова единодушно освободили от должности, а новыми секретарями избрали А.Д. Зверева, некогда работавшего в обкоме, и П.В. Тараканова. Заодно секретарем обкома по пропаганде утвердили аспиранта Челябинского мединститута В.Г. Филатова, который заменил В.Г. Сеницына, возглавившего тогда Челябинский горком ВЛКСМ [15. Л. 8 об.–43 об.].

Новые обстоятельства в «челябинском деле» сразу привлекли внимание высшего органа партии. 20 июля А.Л. Дедов направил Г.М. Маленкову обстоятельную записку о недостатках в подборе комсомольских кад-

ров в области. 25 июля Секретариат ЦК ВКП(б) поручил П.К. Пономаренко, Н.А. Михайлову и А.Л. Дедову рассмотреть все материалы и выработать проект постановления. 3 августа они представили проект под названием «О фактах разложения руководящих работников Челябинской областной организации ВЛКСМ», в котором сделали акцент на плохой работе Челябинского обкома ВКП(б) и отсутствии «достаточных мер» со стороны ЦК ВЛКСМ [39. Л. 19–22]. Наконец 5 августа Секретариат ЦК ВКП(б) заслушал доклад Н.А. Михайлова и объяснения А.А. Белобородова и принял постановление с нейтральным названием «О положении дел в Челябинском обкоме ВЛКСМ». Первым секретарем Челябинского обкома комсомола назначили заведующего отделом ЦК ВЛКСМ П.И. Колобанова, Челябинский обком ВКП(б) обязали «улучшить руководство областной комсомольской организацией», а ЦК ВЛКСМ указали на его политическую беспечность и предложили укрепить кадрами проблемный регион [42. Л. 195–197].

Все указания ЦК ВКП(б) были исполнены с особым рвением. В том числе и потому, что в ходе дополнительной проверки выяснилось, что новый секретарь обкома Тараканов тоже знал о злоупотреблениях Борисова, но до последнего момента скрывал это. Иначе говоря, весь обком оказался замешан в «деле» и требовалось полностью заменить старую команду. В течение нескольких дней ЦК ВЛКСМ подобрал подходящих людей из числа столичных работников и направил в Челябинск. Здесь 19 августа прошел IV внеочередной пленум обкома, который и поставил точку в «деле челябинского комсомола». На пленуме присутствовали А.А. Белобородов, А.Г. Лашин (секретарь обкома партии по пропаганде), уже знакомый челябинец О.Д. Гоциридзе и секретарь ЦК ВЛКСМ З.Т. Фёдорова, которая проинформировала собравшихся о «неправильных действиях» и «загнивании» прежнего руководства обкома. Несмотря на столь острую тему, прения по докладу прошли «без огонька»: желающих выступить оказалось немного, и говорили они либо самые общие слова, либо что-то несущественное. И только инструктор политотдела ЮУЖД Ф.И. Пивоваров, прежде работавший в Челябинском горкоме ВЛКСМ, и А.А. Белобородов раскрыли некоторые тайны из жизни обкома комсомола. После непродолжительных прений сразу приступили к организационным вопросам. Приняв во внимание, что А.Д. Зверева назначили только на «период безвластия», пленум единогласно избрал новых и абсолютно незнакомых секретарей: первым – П.И. Колобанова, по кадрам – В.К. Фединина (бывший организатор ЦК ВЛКСМ), по пропаганде – Т.Н. Осетрова (бывший первый секретарь Коминтерновского райкома ВЛКСМ г. Москвы). А еще один «москвич», бывший секретарь Щербаковского райкома ВЛКСМ Н.П. Мардасов, возглавил Челябинский горком ВЛКСМ [43. Л. 3–42].

Вмешательство высших органов привело к существенным переменам в жизни Челябинского обкома ВЛКСМ. Новое руководство, ничем не связанное с местными кадрами, действовало жестко и энергично – провело показательные чистки, подтянуло исполни-

тельную дисциплину и контроль, мобилизовало актив и благодаря этому добилось значительных результатов. Если в 1945–1949 гг. областная организация насчитывала 98–100 тыс. комсомольцев, то к январю 1952 г. она выросла в 1,5 раза. Челябинский обком ВЛКСМ стал перевыполнять задания по членским взносам и отладил систему политического просвещения. Улучшилось и «качество» комсомольских кадров, а среди причин их сменяемости возобладали выдвижение на большую работу и учеба.

«Дело челябинского комсомола» затронуло и местные партийные органы. В сентябре 1949 г. по указанию ЦК ВКП(б) полностью заменили руководство Магнитогорского горкома ВКП(б), которое «проглядело» злоупотребления в комсомольских организациях города [44. С. 309–310]. А в феврале 1950 г. были освобождены первый и второй секретари Челябинского обкома ВКП(б) А.А. Белобородов и А.В. Лесков. Прежде всего их обвинили в неправильном отношении к бывшему директору Кировского завода И.М. Зальцману и в поддержке «провалившихся секретарей» Магнитогорского горкома ВКП(б). Однако третьим пунктом в списке обвинений значилось либеральное отношение к «морально-бытовому разложению» комсомольских работников [10. С. 240–244]. Новое партийное руководство учло ошибки предшественников и, помимо прочего, стало лучше контролировать работу обкома комсомола и оказывать ему всю необходимую помощь.

Сказалось «дело» и на работе ЦК ВЛКСМ. Еще с весны 1949 г. там вновь стали заслушивать отчеты региональных комитетов, но настоящий размах эта практика получила с августа. И если прежде региональные руководители за свои «ошибки» обычно получали простые взыскания, то после «челябинского дела» их стали чаще освобождать от работы. А еще «челябинское дело» могло подтолкнуть ЦК ВЛКСМ к активному участию в чистках 1949–1950 гг. Ведь до августа 1949 г. ЦК ВЛКСМ обновлял комсомольские кадры в регионах лишь после того, как ЦК ВКП(б) заменял там партийное руководство (так было в Ленинграде и Еврейской автономной области). Но с сентября ЦК ВЛКСМ усилил «политическую бдительность», и кадровые чистки в комсомольских органах Псковской, Новгородской, Молотовской областей и столицы СССР прошли раньше, чем в партийных органах.

Из сказанного следует, что в 1946–1949 гг. Челябинский обком ВЛКСМ, как и другие региональные комитеты комсомола, испытывал острый дефицит материальных, кадровых и организационных ресурсов и поэтому не справлялся даже с текущими задачами. Это объективное положение усугублялось тем, что из-за ослабления контроля со стороны ЦК ВЛКСМ и партийных органов среди комсомольских работников весьма распространились своеволие, недисциплинированность, злоупотребления и групповые конфликты. Следует учесть и то обстоятельство, что местное партийное руководство, стремясь сохранить предсказуемые кадры и заодно избежать наказания, преуменьшало значение негативных явлений в комсомоле или вовсе скрывало их от высших органов. Ситуация стала меняться только в 1949 г., когда в свя-

зи с очередными чистками в партийных органах и промышленности центр стал внимательнее относиться даже к незначительным инцидентам в деятельности региональных комсомольских организаций и принимать довольно жесткие меры. Результатом этого была целая серия региональных «дел», среди которых первым и самым резонансным оказалось «дело челябинского комсомола». Оно свелось к почти полной за-

мене регионального руководства, что привело к разрушению прежних неформальных связей и позволило быстро мобилизовать как комсомольские органы, так и актив. Однако успехи последующих лет были обусловлены не столько кадровыми чистками 1949–1950 гг., сколько тем, что центр и местные власти стали жестче контролировать деятельность комсомола и оказывать ему необходимую помощь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первые секретари райкомов и горкомов ВЛКСМ получали 750–900 руб., т.е. примерно столько же, сколько и промышленные рабочие. Заработная плата секретарей обкома ВЛКСМ составляла 1 300 руб. (первого секретаря – 1 500 руб.) и равнялась среднему заработку инженера на крупном предприятии.

² Для членов комсомола возрастной «потолок» составлял 26 лет, но комсомольские работники могли оставаться на своих постах даже после достижения этого возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Желаева С.Г. Деятельность комсомольской организации Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012. 216 с.
2. Летопись комсомола Татарстана: к 90-летию ВЛКСМ / редкол.: И.Ш. Рахманкулов и др. Казань, 2008. 157 с.
3. Тамбовский комсомол: грани истории. 1946–1991 / под ред. А.А. Слезина. Тамбов, 2010. 384 с.
4. Федченко М.Н. Деятельность молодежи Урала в сфере материального производства (1946–1960 гг.). Курган, 2012. 142 с.
5. Конохова А.С. Формирование мировоззрения советской молодежи, 1953–1964 гг.: на материалах Ленинграда и Ленинградской области : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 227 с.
6. Никифоров А.Л. Зарождение оппозиционных настроений среди советской молодежи в послевоенное «сталинское» десятилетие // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 4, № 1. С. 178–186.
7. Ованесян И.Г. Эволюция политической культуры советской молодежи в 1950-е гг.: роль комсомола : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2016. 221 с.
8. Беляев А.А., Слезин А.А. Внутрисюзная жизнь послевоенного комсомола: особенности провинциального стиля // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2010. Т. 16, № 1. С. 188–198.
9. Дорошина М.М. Корпус первых секретарей областного, городских и районных комитетов комсомола Тамбовской области (1937–1991 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2015. 248 с.
10. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953 / сост.: В.В. Денисов, А.В. Квашонкин и др. М., 2004. 496 с.
11. Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ. М., 1947. 115 с.
12. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1415.
13. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 2002.
14. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1331.
15. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1850.
16. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1173.
17. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1869.
18. Васильев Ю.А., Мухамеджанов М.М. История Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. 1944–1969. М., 2011. 66 с.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 3. Д. 448.
20. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 446.
21. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 377.
22. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 425.
23. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 438.
24. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 33. Д. 754.
25. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1612.
26. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 10. Д. 64.
27. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 11. Д. 88.
28. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 96.
29. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 11. Д. 154.
30. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 191.
31. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 412.
32. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1611.
33. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1695.
34. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 135.
35. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1834.
36. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 601.
37. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 4. Д. 1086.
38. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 600.
39. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 467.
40. Федоров А.Н. «Челябинское дело»: замена партийного руководства Челябинской области в 1949–1950 гг. // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 53–70.
41. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 77.
42. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 485.
43. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1851.
44. Федоров А.Н. «Магнитогорское дело» 1949 г.: деятельность местных партийных органов в условиях послевоенного времени // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 2 (52). С. 302–314.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 августа 2017 г.

THE “CHELYABINSK KOMSOMOL CASE”, 1949: ON THE WORK OF REGIONAL COMMITTEES OF THE ALL-UNION LENINIST YOUNG COMMUNIST LEAGUE IN THE POST-WAR PERIOD

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 145–153.

DOI: 10.17223/15617793/424/20

Aleksey N. Fedorov, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation) E-mail: alex_boss@list.ru

Keywords: Komsomol; personnel purges; party bodies; post-war period; Chelyabinsk Oblast; Central Committee of the All-Union Leninist Young Communist League.

The article considers problems that regional Komsomol committees faced in the post-war period. These problems are described on the example of the Chelyabinsk regional committee of the All-Union Leninist Young Communist League (AULYCL) which headed one of the largest Komsomol organizations of Soviet Union and was involved in a resonant scandal in 1949. On the basis of archival documents it was established that the Komsomol bodies of Chelyabinsk Oblast felt shortage of material resources and experienced personnel in the post-war period. During the war these objective difficulties were partially overcome by the enthusiasm of Komsomol members and an active work of the Komsomol regional committee. After the war, the value of patriotism as a mobilizing factor decreased, and the quality of Komsomol staff considerably worsened. In 1946–1948 the leadership of the Chelyabinsk regional committee of AULYCL was twice and almost completely renewed, so it became less skilled and efficient. The regional committee also worked unsatisfactorily because its first secretary A. Ya. Borisov abused his official position and fulfilled his duties badly. At the same time the Central Committee of AULYCL weakened control over regional organizations and therefore could not immediately trace and correct the situation in Chelyabinsk. The party leadership of the region knew about the problems of the Komsomol organization, but in order to avoid undesirable consequences it hid them from the central authorities. The situation began to change in the spring of 1949, when the Central Committee of AULYCL, after the XIth Congress, began to check the work of the local bodies more carefully. That is why it attached importance to the incidents in Chelyabinsk and Magnitogorsk. Investigating these incidents, the Central Committee of AULYCL unexpectedly found serious shortcomings in the Chelyabinsk komsomol organization. The “Chelyabinsk Komsomol Case” was publicized at the same time as “Zaltsman’s Case”, so it attracted special attention of the Central Committee of CPSU(b) and caused a serious resonance. Not only the leaders of the Chelyabinsk regional committee of AULYCL, but also the secretaries of the Chelyabinsk regional committee of CPSU(b) lost their posts. At the same time the “Chelyabinsk Komsomol Case” inspired the Central Committee of AULYCL to conduct personnel purges in other regions. Large-scale changes of the local leadership were accompanied by a considerable assistance from the center and the party bodies. In 1950–1952 all these measures allowed the regional committees of AULYCL to solve some of their problems and improve their work.

REFERENCES

1. Zhelaeva, S.G. (2012) *Deyatel'nost' komsomol'skoy organizatsii Buryat-Mongol'skoy ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [The activity of the Komsomol organization of the Buryat-Mongolian ASSR during the Great Patriotic War of 1941–1945]. History Cand. Diss. Ulan-Ude.
2. Rakhmankulov, I.Sh. et al. (eds) (2008) *Letopis' komsomola Tatarstana: k 90-letiyu VLKSM* [Annals of the Komsomol of Tatarstan: to the 90th anniversary of the Komsomol]. Kazan: Kniga Pamyati.
3. Slezin, A.A. (ed.) (2010) *Tambovskiy komsomol: grani istorii. 1946–1991* [Tambov Komsomol: the brink of history. 1946–1991]. Tambov: Yulis.
4. Fedchenko, M.N. (2012) *Deyatel'nost' molodezhi Urala v sfere material'nogo proizvodstva (1946–1960 gg.)* [Activity of the Urals youth in the sphere of material production (1946–1960)]. Kurgan: Kurgan State University.
5. Konokhova, A.S. (2015) *Formirovaniye mirovozzreniya sovetskoy molodezhi, 1953–1964 gg.: na materialakh Leningrada i Leningradskoy oblasti* [Formation of the worldview of Soviet youth, 1953–1964: on the materials of Leningrad and Leningrad Oblast]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
6. Nikiforov, A.L. (2010) Zarozhdeniye oppozitsionnykh nastroyeniy sredi sovetskoy molodezhi v poslevoennoye “stalinskoye” desyatiletie [The emergence of opposition sentiments among Soviet youth in the post-war “Stalin” decade]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 4 (1). pp. 178–186.
7. Ovanesyan, I.G. (2016) *Evolutsiya politicheskoy kul'tury sovetskoy molodezhi v 1950-e gg.: rol' komsomola* [Evolution of the political culture of Soviet youth in the 1950s: the role of the Komsomol]. History Cand. Diss. Tambov.
8. Belyaev, A.A. & Slezin, A.A. (2010) Vnutrisoyuznaya zhizn' poslevoennogo komsomola: osobennosti provintsial'nogo stilya [Intra-Union life of the post-war Komsomol: features of the provincial style]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 16 (1). pp. 188–198.
9. Doroshina, M.M. (2015) *Korpus pervykh sekretarey oblastnogo, gorodskikh i rayonnykh komitetov komsomola Tambovskoy oblasti (1937–1991 gg.)* [The corpus of the first secretaries of the regional, city and district committees of the Komsomol of Tambov Oblast (1937–1991)]. History Cand. Diss. Tambov.
10. Denisov, V.V. et al. (2004) *TsK VKP(b) i regional'nye partiynye komitety, 1945–1953* [Central Committee of the CPSU (b) and regional party committees, 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN.
11. Krasnoe znamya. (1947) *Sbornik postanovleniy TsK VLKSM* [Collection of resolutions of the Central Committee of the Komsomol]. Moscow: tip. “Krasnoe znamya”.
12. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-485. List 1. File 1415. (In Russian).
13. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-485. List 1. File 2002. (In Russian).
14. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-485. List 1. File 1331. (In Russian).
15. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-485. List 1. File 1850. (In Russian).
16. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-485. List 1. File 1173. (In Russian).
17. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-485. List 1. File 1869. (In Russian).
18. Vasil'ev, Yu.A. & Mukhamedzhanov, M.M. (2011) *Istoriya Tsentral'noy komsomol'skoy shkoly pri TsK VLKSM. 1944–1969* [History of the Central Komsomol School under the Central Committee of the Komsomol. 1944–1969]. Moscow: Moscow University for the Humanities.
19. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 3. File 448. (In Russian).
20. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 3. File 446. (In Russian).
21. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 3. File 377. (In Russian).
22. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 3. File 425. (In Russian).
23. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 3. File 438. (In Russian).
24. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 33. File 754. (In Russian).
25. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-485. List 1. File 1612. (In Russian).

26. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 10. File 64. (In Russian).
27. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 11. File 88. (In Russian).
28. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 12. File 96. (In Russian).
29. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 11. File 154. (In Russian).
30. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 12. File 191. (In Russian).
31. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 6. File 412. (In Russian).
32. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-485. List 1. File 1611. (In Russian).
33. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-485. List 1. File 1695. (In Russian).
34. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 12. File 135. (In Russian).
35. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-485. List 1. File 1834. (In Russian).
36. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 3. File 601. (In Russian).
37. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 4. File 1086. (In Russian).
38. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 3. File 600. (In Russian).
39. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 118. File 467. (In Russian).
40. Fedorov, A.N. (2016) "Chelyabinskoe delo": zamena partiynogo rukovodstva Chelyabinskoy oblasti v 1949–1950 gg. ["Chelyabinsk Case": replacement of the party leadership of Chelyabinsk Oblast in 1949–1950]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 53–70.
41. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-288. List 13. File 77. (In Russian).
42. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 118. File 485. (In Russian).
43. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund P-485. List 1. File 1851. (In Russian).
44. Fedorov, A.N. (2016) "Magnitogorskoe delo" 1949 g.: deyatel'nost' mestnykh partiynykh organov v usloviyakh poslevoennogo vremeni ["Magnitogorsk Case" in 1949: the activities of local party bodies in the post-war period]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2 (52). pp. 302–314.

Received: 26 August 2017